

³⁹ ГА ВО, ф. 1298, оп. 1, д. 55, л. 160–161 об., 170–171 об.; ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 16, л. 346–347.

⁴⁰ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1198, л. 80–81.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 462, л. 59 об.–60.

⁴² Там же, д. 289а, л. 82–83 об.

⁴³ Там же, оп. 1, д. 1331, л. 76–77 об.; оп. 2, д. 462, л. 62–76, 86–88 и др.

⁴⁴ Там же, оп. 2, д. 1171, л. 2–3.

⁴⁵ См., в частности, следующие документы: ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1534, л. 27–27 об., 222–222 об.; оп. 2, д. 221, л. 43–45 об.; д. 729, л. 28–30; д. 731, л. 141–142; д. 732, л. 198–199; д. 1179, л. 6; ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 417, л. 5 об.–6.

⁴⁶ ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1534, л. 52–52 об. Примечательную в этом отношении историю рассказал в своем письме М.И. Калинину житель деревни Багрино Кубино-Озерского района А. Талалов. В частности, он писал, что первым председателем новообразованного в их деревне колхоза, благодаря содействию сельсовета, был избран сектант-евангелист. Вероисповедальная принадлежность последнего вызывала острое неприятие со стороны крестьян, и в конце концов им удалось добиться его отстранения от должности. Новый председатель вызывал у местных жителей доверие, однако поскольку каждый приезжавший в Багрино начальник пугал его «судом» и «ответственностью», он «стал совсем больной» и решил свести счеты с жизнью. Третьим председателем колхоза избрали школьного работника, который, быстро смекнув, что дело «горит», на второй день своего председательства ушел в отпуск. В результате колхоз в деревне Багрино распался (ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 193, л. 11–12 об.).

⁴⁷ Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума... С. 273–275.

⁴⁸ ВОАНПИ, ф. 2522, оп. 1, д. 139, л. 71–72 об.

⁴⁹ См., например: ГА ВО, ф. 903, оп. 1, д. 48, л. 128–128 об.; ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 2, д. 64, л. 84; д. 1171, л. 2–3; ГА АО, ф. 659, оп. 5, д. 143, л. 64–64 об.

⁵⁰ Глумная М.Н. К вопросу об организационной культуре колхозов Европейского Севера России в 1930-е годы // Стратегия и механизм управления: опыт и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2008. С. 137.

⁵¹ Подробнее см.: Глумная М.Н. К характеристике колхозного социума... С. 273.

⁵² ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 338, л. 13–17; д. 274, л. 192; ф. 1470, оп. 1, д. 794, л. 14–15, 20–20 об.; д. 870, л. 5–5 об.; д. 879, л. 5–6; ГА АО, Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 2, д. 700, л. 63–70; ВОАНПИ, ф. 645, оп. 1, д. 230, л. 68–73; Няндомский райком работал неудовлетворительно // Правда Севера. 1937. 9 января. См. также письма сталинских ударников, указанные в сноске 45.

⁵³ ГА АО, ф. 1470, оп. 1, д. 253, л. 113–114 об.

⁵⁴ РГАЭ, ф. 396, оп. 10, д. 4, л. 321; д. 5, л. 3–4; оп. 11, д. 5, л. 27; ВОАНПИ, ф. 2522, д. 86, л. 80–80 об.; ГА АО, ф. 621, оп. 3, д. 412, л. 24–25; ф. 1470, оп. 2, д. 236, л. 24–24 об.; Отдел ДСПИ, ф. 290, оп. 1, д. 1198, л. 80–81; оп. 2, д. 711, л. 16; Они хотели отнять у колхозников зажиточную счастливую жизнь // Правда Севера. 1937. 28 января.

⁵⁵ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня. М., 2001. С. 261–292.

© 2012 г. Д. В. КИБА*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ВЛАСТЬ В 1950–1960-х ГОДАХ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Общественно-политическое развитие СССР 1950–1960-х гг. неоднозначно освещается в обширной отечественной и зарубежной историографии. Огромный интерес представляет проблема самореализации художественной интеллигенции и ее взаимодействия с властью в указанный период. Хотя эти вопросы не раз уже становились предметом исследования¹, однако на региональном уровне данная тема требует новых

* Кибя Дарья Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Государственного технического университета Комсомольска-на-Амуре.

изысканий. Недостаточно изученной остается деятельность художественной интеллигенции, которая, сохраняя и приумножая местное культурное наследие, отразила в своем творчестве не только общесоюзные тенденции, но и региональную специфику.

Художественную интеллигенцию Дальнего Востока в 1950–1960-е гг. можно условно разделить на несколько взаимосвязанных структур, выделяемых на основе такого критерия как вид творчества (изобразительное, словесное, музыкальное, хореографическое, актерское, режиссерско-организационное); каждому из них соответствовали организационные формы, в рамках которых люди творческих профессий осуществляли свою деятельность. Представители изобразительного искусства находились в штатном расписании артелей, театров и кинотеатров, газет, клубов, домов культуры, производственных мастерских Художественного фонда региона.

К концу 1950-х гг. мастерские этого фонда существовали в Благовещенске, Южно-Сахалинске, Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске и Владивостоке (наиболее многочисленны и творчески активны были сообщества художников в последних трех городах). В 1961 г. также сложились коллективы художников в Магаданской обл. и на Камчатке. Приморское и Хабаровское отделения Союза советских художников функционировали уже с 1939 и 1941 г. соответственно. К 1955 г. в Приморском отделении работали секции живописи, графики, скульптуры, в Хабаровском, помимо названных, в 1958 г. действовали секции театральных и молодых художников. На Дальнем Востоке существовала школа мастеров станковой живописи. В Приморском крае особенно выделялись художники-маринисты, среди которых самым выдающимся был И.В. Рыбачук. В начале 1960-х гг. коллективы художников Владивостока и Хабаровска пополнили только что окончившие соответствующие высшие учебные заведения Москвы и Ленинграда В.И. Бочанцев, В.Н. Доронин, Н.П. Жоголев, демонстрировавшие высокий уровень мастерства в области фигурной композиции. В конце 1960-х гг. в регионе приобрели известность появившиеся в результате активного поиска новых художественных средств работы местных молодых художников В. Рачева и В. Серова.

Дальневосточное отделение Союза писателей СССР было организовано в 1937 г.² После создания в 1949 г. самостоятельной писательской организации Приморского края³, Дальневосточное отделение Союза писателей переименовали в Хабаровское. В своей работе отделения Союза писателей ориентировались на литераторов, группировавшихся вокруг журнала «Дальний Восток» и альманаха «Советское Приморье» (с 1958 г. – «Тихий океан»). К концу 1950-х гг. при Хабаровском отделении работали писатели Р.К. Агишев, Г.Г. Ходжер, Ю.А. Шестакова и поэты С.А. Смоляков, С.Г. Фектистов, Р. Казакова. В Приморском крае творили талантливые прозаики Г.Г. Халилецкий, В.Т. Кучерявенко, Т.Л. Терешонков. 1956–1958 гг. отмечены притоком молодых писателей в литературные объединения Дальнего Востока, наиболее многочисленным из которых стало Магаданское, преобразованное в 1960 г. в Магаданское отделение Союза писателей.

В 1950–1960-е гг. на Дальнем Востоке работали 14 театров, в том числе в Хабаровске – Краевой театр драмы, Музыкальной комедии, Юного зрителя, во Владивостоке – Юного зрителя, драматический им. М. Горького, кукол, Тихоокеанского военно-морского флота Приморского военного округа (с 1956 г. переведен в г. Советскую Гавань), в Петропавловске-на-Камчатке – Областной драматический театр, в Уссурийске – театр Дальневосточного военного округа (ДВО). Также в регионе действовали Приморская и Хабаровская краевые, Амурская и Сахалинская областные филармонии, ансамбль песни и пляски ДВО, два цирка «Шапито» (во Владивостоке и Хабаровске), цирк в Уссурийске. Представители музыкального искусства работали в симфонических оркестрах Приморского и Хабаровского радио и телевидения. На Дальнем Востоке творили талантливые композиторы: С.Л. Томбак, Ф.М. Садовой, Ю.Я. Владимиров, Н.Н. Менцер, В.А. Румянцев, П.А. Мирский, Г.П. Щербаков. После создания в апреле 1960 г. Союза композиторов РСФСР⁴ началось формирование его отделений и секций в регионах; его Дальневосточное отделение возглавил Ю.Я. Владимиров, немало сделавший для объединения композиторских сил.

Таким образом, культура на Дальнем Востоке в 1950–1960-х гг. находилась в состоянии поступательного движения вперед, но ее развитие осуществлялось под бдительным оком партии. Отступление творческих работников от партийной линии развития искусства казалось представителям власти опасным. Руководство культурой в СССР осуществлялось через партийные и государственные органы, а также творческие союзы.

После смерти И.В. Сталина в СССР произошли перемены в сфере культуры. В 1954 г. проходили съезды писателей и композиторов, как всесоюзные, так и республиканские. Согласно приказу Министерства культуры СССР от 13 декабря 1954 г., всем театрам предоставлялось право совместной работы с драматургами над созданием пьес⁵. В апреле 1955 г. состоялся IX съезд Всероссийского театрального общества, до того влачившего жалкое существование и оторванного от творческой деятельности. В том же году в Москве в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина открылась выставка французского искусства, где были представлены работы художников-импрессионистов. При Сталине не только выставка, само упоминание этих художников с положительной интонацией было невозможно. Происходившие в стране изменения послужили толчком «оттепели» первой волны (1953–1955 гг.), оживлению культурной жизни, раскрепощению сознания некоторой части общества. В среде интеллигенции появились надежды на перестройку форм и методов партийно-государственного руководства искусством. Эти чаяния отражались в «письмах во власть», в которых содержались протесты против излишней административной опеки над искусством, связи искусства и политики, заявления о необходимости большей свободы творчества⁶.

Представители дальневосточной интеллигенции также обращались в государственные органы управления культурой с письмами, но вопросы, затрагиваемые в них, касались проблем материального и кадрового характера. «Приехав в театр в 1955 г., – писал главный режиссер хабаровского Театра музыкальной комедии М. Веризов начальнику Хабаровского управления культуры 30 июня 1955 г., – я застал его в жутком материальном положении. Смена режиссеров и коллегия, которая одно время руководила творческой жизнью театра, все это привело театр к низкому творческому уровню и материальному краху, что установил в 1954 г. старший инспектор управления музыкальными театрами СССР Халаджиев. Театру необходимо выдать сумму на оформление спектаклей, помочь кадрами. Для решения данного вопроса в дальнейшем при театре необходимо организовать студию с набором 10–12 человек»⁷. «Для улучшения работы Хабаровского краевого театра драмы, – докладывал в управление культуры главный режиссер этого театра С.А. Бенкендорф в том же году, – необходимо изменить ряд условий: 1. Переформировать труппу, так как ряд актеров, работая много лет, утратили интерес для зрителей. Прошу заменить их новыми актерами. 2. Прислать двух художников, постановщиков, третьего режиссера. 3. Создать в театре оркестр»⁸.

XX съезд КПСС послужил толчком «оттепели» второй волны. Дальневосточная художественная интеллигенция на официальных мероприятиях демонстрировала удовлетворение политикой партии: прошли собрания первичных партийных организаций театров региона, отделений Союзов художников, писателей, ознакомившиеся с постановлением ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» и одобдившие его⁹. Иная ситуация была невозможна, поскольку в СССР творческие союзы являлись элементом государственного аппарата. Они располагали оплачиваемыми штатами и представляли собой подобия министерств, являясь низшим звеном в системе партийно-государственного управления искусством. Произведенные либеральные подвижки не подразумевали отказа от формулы «искусство – служанка политики». В записке отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах развития современной советской литературы» указывалось, что распространенное среди работников искусства «представление о несовместимости свободы творчества и партийного руководства» является ошибочным: «Восстановление ленинских принципов означает не отказ от руководства, а укрепление и совершенствование партийного руководства искусством»¹⁰.

В этой связи естественна реакция властей на появление произведений, в которых писатели показывали, например, негативные стороны жизни деревни, бюрократический гнет. Сочтя такие «очернительские» произведения за сопротивление партийному руководству, власть отреагировала «окриком» – выступлением Первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства» (оно было сокращенным изложением его речей на совещании писателей в ЦК КПСС 13 мая, на приеме писателей, художников, скульпторов, композиторов 19 мая и на партийном активе 6 июля 1957 г.). «Среди наших писателей и деятелей искусства еще встречаются отдельные люди, которые порою теряют почву под ногами, сбиваются с правильного пути...», – заявил Хрущев. – Они пытаются представить дело так, что будто бы литература и искусство призваны выискивать только недостатки, говорить преимущественно об отрицательном в жизни, о фактах неустроенности и замалчивать все положительное»¹¹. В марте 1958 г. в Хабаровске состоялось собрание интеллигенции по обсуждению выступления Первого секретаря ЦК, закончившееся его одобрением делегатами и заверением в том, что художники и писатели Дальнего Востока оправдают доверие партии и будут ей опорой в идеологической борьбе. Писатель Чижевский, усомнившийся, что Хрущев сказал что-то новое в своем выступлении, был раскритикован. Секретарь крайкома КПСС Ажгибков заявил: «Активно участвовать в строительстве нового, передового, неустанно учиться у жизни, неустанно работать над повышением своих знаний и мастерства – такие обязательные условия для успеха в любой отрасли литературы и искусства, к этому призывает нас ЦК партии. И конечно глубоко неправ товарищ Чижевский, который ничего нового не увидел в этом документе. Надо полагать, что после собрания товарищ Чижевский более тщательно его прочитает, продумает все выступления, и нет сомнения, что он поймет ошибочность своих суждений». Его поддержал главный редактор журнала «Дальний Восток» Н. Рогаль: «В книге Дудинцева “Не хлебом единым” за новаторством, “смелостью писательской” мы не сразу разглядели идеи декаденства. Неправильно сказал Чижевский, что Хрущев ничего нового в выступлении не сказал, он много интересного сказал, над чем мы должны думать»¹².

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о порядке издания в эти годы художественной литературы в СССР. Издательства составляли тематические планы выпуска литературы, согласовывая их в управлении культуры и краевых комитетах КПСС и широко обсуждая в писательских организациях и научных учреждениях. Затем планы утверждались в Министерстве культуры РСФСР. В разделе «Художественная литература» плана любого издательства значительное место должны были занимать произведения, посвященные советской действительности. Утвержденный местными органами и рассмотренный Министерством культуры тематический план являлся государственным заданием, подлежащим безусловному выполнению. Однако, несмотря на существующий порядок, дальневосточные издательства порой выпускали «очернительские», по мнению партии и руководства творческих организаций, литературные произведения. Например, в Благовещенске в шестой книге альманаха «Приамурье» в 1957 г. были опубликованы повесть Д. Федорова «Потомки ланцетупов» и поэма Д. Цирулика «Начало биографии», которые областной комитет КПСС Амурской обл. охарактеризовал как идейно порочные¹³. Признавая, что Федоров «исходил из благих намерений, хотел высмеять тех, кто рассчитывает жить за счет государства», главный редактор журнала «Дальний Восток» Рогаль порицал его за то, что «автор любителю наглостью героев, язык повести местами граничит с ерничеством. Кажущаяся острота и значительность повести – ложная, бьющая мимо цели». Особое возмущение руководства Хабаровского отделения Союза писателей вызвали заключительные строки поэмы Цирулика: «И поднялось утро в клочьях дыма, // И над миром приподняв его, // Ветер мая пролетает мимо. // Ветер поколения моего». Рогаль с возмущением заметил, что ветру мая полагается поднимать всех на борьбу за новую жизнь. Обком КПСС потребовал перестроить работу редакционной коллегии альманаха в свете задач, определенных в выступлении «За тесную связь литературы и искусства»¹⁴.

Дальневосточные отделения творческих союзов выступали в роли внутренних цензоров, не допускавших «идейно неполноценные» произведения в планы издательств. Так, составленный в 1956 г. приморским писателем Г.Г. Халилецким сборник рассказов не был опубликован, поскольку партийное собрание Приморского отделения Союза писателей сочло тон его повествования унылым¹⁵. 2 октября 1957 г. во Владивостоке прошло открытое партийное собрание писателей и художников Приморского края, на котором в свете выступления Хрущева были раскритикованы произведения многих писателей. Было указано на печальный тон в книге О. Щербановского «Дорога через перевал», на идеологические срывы в повести Ю. Лясота «Корень жизни». На собрании утверждалось, что Щербановский «оглуляет хороших по замыслу людей»¹⁶. В справке о работе Приморского отделения Союза писателей, направленной в краевой комитет КПСС, указывалось, что «прошедшее в отделении писателей партийное собрание, посвященное выступлению Н.С. Хрущева “За тесную связь литературы и искусства” показало, что в писательской организации есть случаи отрыва писателей от жизни народа. Бюро неоднократно поправляло Щербановского и Гука, пытавшихся исказить жизнь советских людей»¹⁷. В Хабаровске молодые авторы, в частности Куперман и Мартынюк, порой допускали критический взгляд на советскую действительность: в своих произведениях они поднимали вопросы социальной несправедливости, коррупции, привилегий номенклатурных работников, изображали пьющую деревню, разоблачали карьеризм работников партийно-государственного аппарата. Естественно, что их повести и рассказы не допускались к печати. Рогаль назвал их предвзятыми, мешающими видеть все богатство советской действительности, утверждая, что писатели должны «идти не путем В. Дудинцева, а путем, указанным партией»¹⁸. В 1957 г. на совещании литературных и театральных критиков Рогаль призывал писателей к бдительности: «Это самоуспокоение, что у нас нет В. Дудинцева, что у нас все хорошо... когда мы критикуем, нужно думать над каждым произведением»¹⁹.

Поиски надуманных идеологических диверсий стали нередким явлением. В 1958 г. в газете «Тихоокеанская звезда» была помещена резко отрицательная рецензия С. Смолякова на стихи молодой поэтессы Р. Казаковой. Критик назвал стихи ревизионистскими, заявив, что она сбилась с генерального курса партии²⁰. На заседании секции поэзии Хабаровского отделения Союза писателей он говорил: «Я не мог не написать той рецензии. Нельзя проходить мимо строчек, которые имеют не только поэтическое, но и политическое содержание»²¹. Такая критика соответствовала общему потоку, обрушившемуся в эти годы на молодых поэтов в Хабаровске. Например, ту же Казакову и поэта П. Халова обвиняли в том, что они, называя свое творчество новаторством, создавали особые выражения, речевые обороты и тем самым засоряли стихи «словесной шелухой»²². На общем собрании Хабаровского отделения Союза писателей и актива журнала «Дальний Восток», состоявшемся в январе 1959 г., Рогаль отметил, что «не надо преуменьшать опасность влияния нежелательных тенденций, рядом с которыми стоят отдельные стихи Р. Казаковой. У части молодых литераторов стало модой игра слов, их нагромождение. За этим либо ничего нет, либо идеи, чуждые нашей литературе. Необходимо Казаковой напомнить это»²³. Подобная борьба с крамолой там, где ее не было, в соответствии с линией партии, не могла не осложнять положение творческой интеллигенции.

Та же ситуация сложилась в сфере партийно-государственного руководства театральным искусством, в частности контроля над репертуаром. Репертуарные планы обсуждались на художественных советах театров и представлялись на утверждение в управление культуры, в свою очередь передававшее их для утверждения в Министерство культуры РСФСР. Однако полного соответствия между утвержденными планами театров и текущими постановками не было. Областные и краевые управления культуры иногда не предоставляли вовремя эти планы в Министерство культуры, не контролировали их выполнение театрами. В итоге выпускались пьесы, характеризующиеся как «низкопробные, порочные по идейному содержанию». Бывали случаи, когда художественные руководители и режиссеры театров сознательно приступали к постановке пьес,

не одобренных органами культуры. Например, в Комсомольске-на-Амуре в 1953 г. главный режиссер театра приступил к работе над пьесой «Опасный перекресток», изъятой из репертуара театров страны и не значившейся в утвержденном плане. Управление культуры, обнаружив данный факт, немедленно запретило работу над ней²⁴. В 1954 г. руководство Областного драматического театра Петропавловска-на-Камчатке без санкции управления культуры изменило утвержденный план. Результатом явилась работа над пьесой «Великий еретик»²⁵. В изменении репертуарных планов, утвержденных в управлении культуры, включении в них пьес, не одобренных контролирующими инстанциями, проявилось стремление режиссеров к самостоятельности, освобождению от опеки партийно-государственных структур, однако советская система непримиримо относилась к подобным попыткам.

Факты сопротивления художественной интеллигенции Дальнего Востока такому давлению были немногочисленны. Известно выступление приморского художника С.П. Ясенкова. Во время партийного собрания первичных партийных организаций драматического театра, Приморского Союза художников, редакции газеты «Тихоокеанский комсомолец» и художественного училища Приморского края в 1957 г. обсуждалось постановление Пленума ЦК КПСС «Об антипартийной группе Маленкова, Кагановича, Молотова». Ясенков заявил, что ему очень трудно понять постановление Пленума ЦК КПСС, так как ранее о Молотове говорили как об одном из старейших большевиков, а теперь осуждают. «Я как коммунист не знаю, кому верить, – говорил он. – Раньше художникам жилось лучше, так как они свободно выбирали тему и творили свои произведения, например Репин. В период Сталина художники писали много произведений со Сталина, затем писали о членах ЦК и правительства, в том числе и о Молотове. А теперь куда эти полотна? А потом говорят, что мы, художники, пишем много пейзажей и этюдов. Трудно в наше время писать, не знаешь что можно, а что нельзя писать. Если бы Ленин не умер, и его в чем-нибудь обвинили бы». Ясенкова обвинили в вольнодумстве, клевете на советское искусство и непонимании политики партии. Художник отметил, что он откровенно поделился своими мыслями, но его неправильно поняли: «Некоторые товарищи книжно говорят, а я так не умею. Трудно говорить, когда отрываешь от сердца, то, с чем сжился годами». В результате он признал, что запутался, и вместе с собранием одобрил постановление пленума ЦК²⁶.

В 1956 г. писатель Халилецкий в одном из своих рассказов описал ситуацию, когда у 35-летнего мужчины возникли чувства к 25-летней девушке. Его пригласили в партийные органы и объяснили, что с точки зрения этики такая ситуация нетипична. В ответ на это автор на заседании Приморского отделения Союза писателей, посвященном обсуждению альманаха «Советское Приморье», выразил протест против грубого вмешательства в его творчество: «За всем этим внешне внимательным отношением к писательскому творчеству стоит мещанство, с которым невозможно бороться. Союзу писателей пора поставить во всесоюзном масштабе вопрос о том, что на местах партийное руководство литературными делами должно быть умным и тонким»²⁷.

Член литературного объединения при Магаданском издательстве В. Сергеев на творческой конференции молодых писателей Дальнего Востока в 1958 г. в Хабаровске позволил себе ряд крамольных высказываний о жизни коренных народов Чукотки. На той же конференции состоялось обсуждение его поэмы «Разговор с правдой», которая после его «политически вредной» речи была названа идейно-порочной, содержащей политические двусмысленности и ошибки. Писатель Дементьев отметил, что «не следует беречь не зажившие раны партии и народа»²⁸. Недовольство вызвала «политическая незрелость» молодого поэта, а также то, что «интонации поэм и стихотворений его слишком мрачны, пессимистичны, он односторонне видит жизненные явления»²⁹. На заседании бюро областного литературного объединения при Магаданском издательстве совместно с редколлегией альманаха «На Севере Дальнем», состоявшемся в сентябре 1958 г., был вновь поднят вопрос о хабаровской речи Сергеева и его поэме. Настаивая на своей правоте, молодой поэт заявил, что в настоящее время «у оленеводов тундры положение хуже, чем было раньше, лет 20–30 назад. Раньше оленеводы жили лучше.

Сейчас труд их организован неправильно, семья разорвана, быт не устроен; отец кочует, мать работает в колхозе, дети – учатся в школе и живут в интернате. Бригады работают по-старинке, техника еще до Чукотки не дошла. До революции было 500 тысяч оленей, а сейчас – меньше 400 тысяч»³⁰. «Откуда у Вас такой пессимизм? – все плохо, везде нехорошо!», – вопрошали его писатели областного литературного объединения, утверждавшие, что «в поэме Сергеева “правда поджала хвост”»³¹. Также на заседании бюро было отмечено, что «ошибки Сергеева вызваны идейными шатаниями и колебаниями. Следует усилить воспитательную работу с писателями, чтобы не допускать таких эксцессов. Наша литература должна быть партийной»³².

Слова и действия Сергеева были смелыми для того времени. После осуждения его произведения на конференции молодых писателей в Хабаровске поэт хотел передать рукопись поэмы польскому писателю Казимиру Завадскому, чтобы он высказал свое мнение о ней. Но на заседании литературного объединения Магадана в сентябре 1958 г. его члены осудили это намерение, сравнив поведение Сергеева с действиями Б. Пастернака. Писатель Козлов заявил: «Вы, Сергеев, апеллируете к польскому писателю, и хотя он член польской объединенной рабочей партии, он зарубежный писатель, и его идейные убеждения, как и убеждения многих польских литераторов, выступавших против социалистического реализма, нам известны. Ваше поведение можно рассматривать как измену Родине. Ведь поэма политически порочная»³³. Хабаровский крайком КПСС рекомендовал Хабаровскому отделению Союза писателей пересмотреть вопрос о приеме Сергеева в число своих членов. Его вывели из состава бюро литературного объединения Магадана (вместо него был введен чукотский писатель В. Кеулькут). В протоколе общего собрания членов литературного объединения Магаданской обл. от 9 октября 1958 г. отмечено, что когда Сергеева пригласили на собрание бюро для обсуждения вопроса о его исключении, поэт не пришел, заявив, что «на собрании будут заниматься глупостями»³⁴.

Следует отметить, что случай с Сергеевым единичный. В основном творческие работники Дальнего Востока были осторожны в силу своей материальной зависимости от творческих союзов и организаций и возможности исключения из них, прекращения публикации произведений.

Более «смелым» на Дальнем Востоке оказалось студенчество. Осенью 1956 г. на уборочных работах в одном из совхозов студенты историко-филологического факультета Хабаровского педагогического института выпустили три номера газеты и один номер рукописного журнала, в которых, по мнению бюро Хабаровского крайкома, в «пошлом и вульгарном духе» изображали советскую действительность и студенческую жизнь. Литературный кружок кафедры литературы этого института в том же году выпустил газету «Первое слово», в которой была обнаружена, как отмечало бюро, проповедь буржуазно-мещанской идеологии. Выяснилось, что молодые люди критиковали и советскую литературу, и решения ЦК КПСС по идеологическим вопросам. Студентов обвинили в распространении антисоветских анекдотов и различного рода «вредных» измышлений. В январе 1957 г. был арестован студент Овсиенко, уличенный в якобы антисоветской деятельности. Студенты Котенко, Куперман, Машуков, Корчмарев, поддерживавшие Овсиенко и распространявшие среди молодежи свои взгляды, были исключены из института и ВЛКСМ³⁵. Литературный кружок института прекратил свое существование. Писатель В. Александровский на собрании писателей и литературного актива Хабаровска, посвященном итогам работы III Пленума Союза писателей СССР, отметил, что действия студентов стали прямым следствием вредных и неверных настроений в столичной периодике. «Удивительна нам была и политика редколлегий “Нового мира”, на страницах которого был опубликован ряд материалов с неверных позиций, – говорил он. – Потом мы узнали о неправильных выступлениях Берггольц, Алигер, Симонова. А к чему все это привело и у нас? Мы все знаем печальную историю со студентами литфака Хабаровского пединститута»³⁶.

Анализируя данные события, необходимо отметить, что молодые люди не занимались антисоветской пропагандой, их целью было не расшатывание основ советского

стройка, а свобода творчества и самовыражение. «Оттепель» активизировала самосознание, критическое мировоззрение отдельных представителей художественной интеллигенции. Поведение молодежи понятно: во-первых, студенты не были обременены грузом ответственности за семью, над ними не довлел фактор материальной зависимости, во-вторых, они принадлежали к другому поколению, не знавшему террора 1930-х гг., были более раскрепощены и уверены, что при новых веяниях их поведение допустимо.

Разгромная критика Н.С. Хрущевым 1 декабря 1962 г. выставки художников-авангардистов в Москве³⁷ открыла череду «воспитательных мер», предпринятых партийно-государственным руководством в отношении творческой интеллигенции. Была развернута кампания против формализма и абстракционизма. Эта тема обсуждалась 17 декабря 1962 г. на встрече деятелей культуры с членами Президиума ЦК, 24 декабря – на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС, куда пригласили молодых литераторов, художников и музыкантов, 7–8 марта 1963 г. – на встрече в Кремле высшего советского руководства с художественной интеллигенцией. В июне 1963 г. состоялся пленум ЦК КПСС, на котором также рассматривались проблемы, связанные с литературой и искусством. Стараясь обосновать в глазах общественности преследование несогласных с партийным диктатом – «проводников буржуазного влияния», партийное руководство выдвинуло тезис об обострении идеологической борьбы между социализмом и капитализмом. В данных условиях интеллигенция должна была, как полагали представители власти, быть как никогда ответственной за идейное содержание своих творений. Малейшая критическая направленность произведения становилась свидетельством о недовольстве советским строем³⁸.

На Дальнем Востоке после встреч советского руководства с художественной интеллигенцией управления культуры пересмотрели репертуарные планы театров, добиваясь их высокого идейного уровня, и усилили роль художественных советов в репертуарной политике. Проанализировав содержание литературы, выпущенной Хабаровским книжным издательством в 1963 г., идеологический отдел Хабаровского крайкома принял решение о недопущении впредь выпуска слабых в идейно-художественном отношении произведений. В июле 1963 г. на III пленуме промышленного крайкома Приморского края во время обсуждения итогов Июньского пленума ЦК КПСС³⁹ признаны неприемлемыми теория мирного сосуществования двух идеологий, «автомобильная» теория (отрыв художника от жизни вследствие фиксации им только мимолетных впечатлений), теория инертности народа в понимании искусства. В отчетном докладе бюро Приморского отделения Союза писателей говорилось, что «в среде приморских писателей растленного проявления моды Запада и абстракционизма не было. Были высказывания иных писателей, от которых отдавало душком отклонения от социалистического реализма. Некоторые считали, что необязательно писать стихи, которые были понятны широким массам трудящихся. Другие видели в “творчестве” абстракционистов новаторство, следовательно имевшее право на существование. Другие утверждали, что при оценке произведений писателя нечего требовать партийности. Такие настроения резко осуждались коллективом»⁴⁰. Таким образом, хотя на официальных собраниях громко провозглашалась борьба с формализмом, абстракционизмом и буржуазным трюкачеством, в среде творческой интеллигенции шли процессы глубокого осмысления действительности и давались оценки, не соответствовавшие духу партийных документов.

Деятели театра также объявляли бой формализму и абстракционизму, однако это нередко приводило к плачевным результатам. Например, главный режиссер Хабаровского краевого театра юного зрителя А. Никитин на заседании режиссерской секции Всероссийского театрального общества в 1963 г. предостерегал коллег от загона понятия «реализм» под шапку трусости и оглядки, лишения возможности поиска образных выразительных средств. «Нельзя забывать наши ошибки прошлой борьбы с формализмом. Мы часто ретиво выбрасывали из театра яркую форму, наклеивая на нее позорный ярлык “формализм”. В искусстве, – утверждал режиссер, – необходим постоянный поиск, а мы живем трюсливо»⁴¹.

Элементов абстракционизма в творчестве художников Дальнего Востока в 1960-е гг. не наблюдалось, поскольку среди них никто не знал, что представляет собой абстракционизм, каковы его принципы. В художественном творчестве шли поиски новых выразительных средств, сами мастера были уверены, что не занимаются пропагандой буржуазной западной культуры. Но власть навешивала ярлык абстракционизма на любые непривычные штрихи в изобразительном искусстве. На общем собрании художников Хабаровского края в феврале 1960 г. художник В.Г. Зуенко отмечал, что «влияние западного формализма имеется и у нас. Например, Короленко из Комсомольска»⁴². «Абстракционизм надо отметить, – поддержал его начальник краевого управления культуры Л.Н. Слободской. – Художнику Короленко надо сказать, что он заблуждается. Мы не можем мириться с тем, что человек изображен в виде кляксы»⁴³. Е.В. Короленко, обвиняемый в склонности к формализму и абстракционизму, на собрании Хабаровского отделения Союза художников в 1962 г. пытался оправдаться, утверждая, что «понятие “реализм” сравнивается с искусством XIX в., которое было трехмерным, в связи с этим любое двухмерное изображение расценивается как нереалистическое. Это неверно»⁴⁴. Какими формами и методами пользуется художник – это, по его мнению, вопрос сугубо творческий и личный. Поскольку Короленко был талантливым мастером, ему, несмотря на «крамольное» выступление, предоставили возможность по-прежнему заниматься творческой деятельностью. Правление Хабаровского отделения Союза художников в своем отчетном докладе отметило лишь то, что «в отделении недостаточно проводится идейно-воспитательная работа, и необходимо активизировать усилия в данном направлении»⁴⁵.

Некоторые мастера прямо заявляли, что творчество абстракционистов – это новаторство, имеющее право на существование. Подобные взгляды высказывались как до проведенной «воспитательной работы» в Москве, так и после, что было вдвойне опасно для художников. Иногда им удавалось отстоять свое видение того или иного произведения. Так, в начале 1960-х гг. руководители Приморского отделения Союза писателей и Приморского издательства обвинили сотрудника издательства художника Гетелева в том, что он оформлял некоторые книги с «душком абстракционизма». Особое недовольство вызвала обложка книги «Бурелом», где «на зеленых клетках небрежно намазаны тушью вертикальные мазки, а на них отрывки каких-то линий. Все это должно было выражать поломанный бурей лес или что-то еще»⁴⁶. Хотя в результате Гетелев сумел убедить начальство, что его картина является новаторством, в отчетном докладе бюро Приморского отделения Союза писателей указывалось, что художественный совет издательства утвердил обложку, так как его члены «побоялись прослыть отсталыми людьми»⁴⁷. Но после начавшейся в стране «воспитательной работы» руководство стало более бдительным и запрещало все, что хоть как-то выбивалось из общего ряда.

В 1965 г. на собрании Приморского отделения Союза художников обсуждался вопрос новаторства в изобразительном творчестве. В своем выступлении художник Балашева отметила, что на выставках Московского отделения Союза художников стала выявляться тенденция увлечения новыми формами в искусстве, однако к настоящим новаторским произведениям стали приклеивать ярлыки абстракционизма. В результате дискуссии приморские художники, положительно оценив новаторство, дали ему такое определение: «совершенное видение, создание картин, волнующих зрителя»⁴⁸. Однако дефиниция «свободное творчество» являлась опасной, поскольку то, что для режиссера, актера, художника было поиском образной формы, партийные органы считали отклонением от социалистического реализма и трактовали как отход от классовых позиций и идеологическую диверсию.

В середине 1960-х гг. советское общество наблюдало начало процесса «очищения» образа Сталина. Чиновники от идеологии доказывали, что вся критика вождя на XX и на XXII съездах КПСС была вызвана только личным эгоистическим интересом Хрущева⁴⁹. В 1965 г. на торжественном заседании, посвященном юбилею Победы, в докладе Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева впервые после XX съезда было сказано о заслугах Сталина в годы Великой Отечественной войны. Реакцией на слова Брежнева

стало письмо 25 выдающихся деятелей культуры в адрес руководства страны, в котором выражалось беспокойство появлением тенденций, направленных на реабилитацию Сталина⁵⁰.

Однако тема культа личности оказалась теперь «неудобной» для творчества. Так, на отчетно-выборной конференции Всероссийского театрального общества в 1966 г. начальник управления культуры Хабаровского края, говоря о репертуарной политике театров Дальнего Востока, заявил, что нельзя поддерживать увлечение лагерной темой, так как оно не приносит пользы и односторонне искажает действительность⁵¹. «Договорились, некоторые, что во имя развенчивания культа личности ставилась под сомнение политика коллективизации, – утверждал он. – Все это сказалось на настроении молодежи. У нее появилось недоверие к политике партии в коммунистическом строительстве. Нужно поправить все это. Необходимо восстановить это доверие. Тенденции в сфере искусства – издержки борьбы против культа личности»⁵². В докладе Отдела пропаганды и агитации Хабаровского крайкома о работе отделения Союза писателей в 1967 г. было обращено особое внимание на опубликованную в журнале «Дальний Восток» рецензию Ю. Шестаковой на повесть И. Гарающенко «Прописан на Колыме». Шестакова утверждала, что творчество писателя – это «попытка осмыслить в художественных образах события, связанные с эпохой культа личности»⁵³. Возмущение партийного отдела вызвало упоминание имени А.И. Солженицына с положительной окраской. «Вызывает удивление легковесное утверждение Ю. Шестаковой по поводу повести И. Гарающенко “Прописан на Колыме”, – говорилось в справке отдела пропаганды и агитации Хабаровского крайкома о работе парторганизации Хабаровского отделения Союза писателей. – По ее словам, это произведение лагерной темы, начало которой положила повесть Солженицына “Один день Ивана Денисовича”. Это утверждение сделано Ю. Шестаковой уже после правильной партийной оценки творчества Солженицына. И подтягивание Гарающенко до Солженицына, хотя его произведение прямо противоположно Солженицыну и “эпоха культа личности”, которой не было в жизни нашей страны, не добавляет славы ни автору рецензии, ни редколлегии журнала»⁵⁴.

Решения о снятии спектакля с репертуара любого театра принимались не на его художественном совете, а на совещании театрального руководства в краевом комитете партии. Совет лишь подтверждал это решение, а утверждения репертуаров театров происходило как в управлении культуры, так и в идеологических комиссиях крайкомов КПСС. За идеологические ошибки творческие работники вызывались в крайкомы для воспитательных и разъяснительных бесед. Так, в 1968 г. в партийных органах Хабаровского края обсуждался спектакль «Традиционный сбор» Краевого театра драмы. Члены крайкома предъявляли претензии. В частности, по поводу того, что в пьесе «происходит путаница между культом личности и линией борьбы партии с кулачеством»⁵⁵.

Своеобразной вехой, окончательно завершившей период некоторых либеральных тенденций в искусстве, стало постановление ЦК КПСС 1969 г. «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Затем региональные краевые комитеты партии приняли постановления с таким же названием. Политика ужесточения идеологического контроля на Дальнем Востоке привела к тому, что некоторые представители художественной интеллигенции, не провозглашая открыто своих воззрений, в кругу единомышленников одобряли теории, противоречившие принципам социалистического реализма. Иногда подобные высказывания становились известны партийному руководству и становились предметом проработки на официальных собраниях отделений творческих союзов в рамках борьбы с «нездоровыми тенденциями». Несмотря на это, писатели и драматурги Дальнего Востока в своих произведениях продолжали обращаться к темам, которые казались им актуальными, хотя и характеризовались партийно-государственным руководством как «мелкотемщина» и «обывательщина». Стоит отметить, что на Дальнем

Востоке власть не предпринимала карательных мер в отношении художественной интеллигенции, а в процессе руководства искусством сочетала контрольно-запретительные меры с «воспитательными».

Примечания

¹ Белова Т. Культура и власть. М., 1991; Богарцева С.С. Художественная интеллигенция и власть в СССР второй половины 1950-х – 1960-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995; Бородай А.Д. Н.С. Хрущев и молодое поколение художественной интеллигенции. М., 1999; Бортников С.Д. Художественная интеллигенция Сибири (1961–1980 гг.). Барнаул, 1997; Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М., 1999; Конев В.П. Советская художественная интеллигенция в 1960–1980-е гг. // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход. Тезисы докладов XI международной научно-теоретической конференции. Иваново, 2000; Раскатова Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция в 1964–1985 гг. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011; Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Ч. 1–2. Омск, 2001; Соколов К.Б. Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953–1991 гг.). СПб., 2007.

² Государственный архив Хабаровского края (далее – ГА ХК), ф. Р-1738, оп. 1, предисловие, л. 1.

³ Государственный архив Приморского края (далее – ГА ПК), ф. Р-1504, оп. 2, предисловие, л. 1.

⁴ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964: Документы. М., 2005. С. 380.

⁵ ГА ХК, ф. Р-1690, оп. 1, д. 288, л. 74–75.

⁶ Фадеев А.А. Об улучшении методов партийного, государственного и общественного руководства литературой и искусством // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. С. 153; Пертосян А.А. О положении в советской литературе и о работе Института мировой литературы // Там же. С. 269; Записка отдела науки и культуры ЦК КПСС о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции // Там же. С. 198–201; Письмо Б.Н. Полевого П.Н. Поспелову о вредных идеологических настроениях в литературных кругах // Там же. С. 206–207.

⁷ ГА ХК, ф. Р-1690, оп. 1, д. 288, л. 127.

⁸ Там же, д. 292, л. 68.

⁹ ГА ПК, ф. П-295, оп. 1, д. 6, л. 43–45.

¹⁰ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957... С. 520.

¹¹ Хрущев Н.С. За тесную связь литературы и искусства // Дальний Восток. 1957. № 5. С. 20.

¹² ГА ХК, ф. Р-1690, оп. 1, д. 61, л. 111.

¹³ РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 267, л. 3.

¹⁴ ГА ХК, ф. Р-738, оп. 1, д. 82, л. 9, 12.

¹⁵ ГА ПК, ф. Р-4504, оп. 2, д. 5, л. 63.

¹⁶ Там же, л. 56.

¹⁷ Там же, ф. П-68, оп. 30, д. 134, л. 45.

¹⁸ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 108.

¹⁹ Там же, д. 80, л. 78.

²⁰ РГАЛИ, ф. 2938, оп. 1, д. 382, л. 31.

²¹ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 140.

²² Там же, л. 138.

²³ Там же, л. 133–134.

²⁴ Там же, ф. Р-1690, оп. 1, д. 4, л. 87.

²⁵ Там же, д. 15, л. 311.

²⁶ ГА ПК, ф. П-295, оп. 1, д. 7, л. 69.

²⁷ Там же, ф. Р-1504, оп. 2, д. 32, л. 17.

²⁸ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 81, л. 76.

²⁹ Там же, л. 94.

³⁰ Там же, л. 76.

³¹ Там же, л. 82.

³² Там же, л. 88.

- ³³ Там же, л. 80.
³⁴ Там же, л. 97.
³⁵ Там же, ф. П-35, оп. 7, д. 89, л. 21–24. Среди этих студентов был сын дальневосточного писателя Ивана Машукова – Владимир (Там же, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 46).
³⁶ ГА ХК, ф. Р-1738, оп. 1, д. 59, л. 45.
³⁷ Аппарат ЦК КПСС и культура. 1958–1964... С. 540.
³⁸ *Пыжиков А.В.* Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 гг.: общественно-политический аспект. М., 1998. С. 269.
³⁹ ГА ПК, ф. П-290, оп. 1, д. 12, л. 82–86.
⁴⁰ Там же, ф. Р-1504, оп. 2, д. 40, л. 6.
⁴¹ Там же, ф. Р-905, оп. 1, д. 15, л. 18.
⁴² ГА ХК, ф. Р-910, оп. 1, д. 49, л. 149.
⁴³ Там же, л. 152.
⁴⁴ Там же, д. 59, л. 11.
⁴⁵ Там же, л. 57.
⁴⁶ ГА ПК, ф. Р-1504, оп. 2, д. 40, л. 16.
⁴⁷ Там же.
⁴⁸ Там же, д. 47, л. 14.
⁴⁹ *Файнбург З.И.* Не сотвори себе кумира...: Социализм и «культ личности» (Очерки теории). М., 1991. С. 286.
⁵⁰ Миф о застое. М., 1991. С. 59–61.
⁵¹ ГА ХК, ф. Р-905, оп. 1, д. 30, л. 28.
⁵² Там же, л. 10.
⁵³ Там же, ф. П-35, оп. 90, д. 567, л. 113.
⁵⁴ Там же.
⁵⁵ Там же, ф. Р-1900, оп. 1, д. 40а, л. 19–21.

© 2012 г. А. С. ИВАНОВА*

ИСТОРИЯ ТОРГОВОЙ СЕТИ «БЕРЕЗКА» В СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.)

Магазины «Березка», находившиеся в ведомстве всесоюзного объединения (в/о) Внешпосылторг (ВПТ), существовали в СССР на протяжении 30 лет и играли заметную символическую роль в повседневной жизни горожан в 1960–1980-е гг. Почти каждый советский гражданин знал, что «Березка» – воплощение потребительской мечты, сосредоточение дефицитных импортных товаров, которых не найти в обычном магазине. При этом доступ к такому источнику изобилия был ограничен: «валютные» магазины часто приравнивались к закрытым распределителям для номенклатуры и вызывали среди населения ненависть и зависть. Существование в СССР подобного полужакрытого канала распределения, где дефицитные иностранные товары продавались определенным категориям граждан за валюту и ее заменители (специальные чеки и сертификаты), вызывает множество вопросов: зачем была создана торговая сеть «Березка»; кто именно имел туда доступ; действительно ли там продавались товары, не поступавшие в обычную розничную сеть; насколько закрытой была эта система и почему она закончила свое существование?

До настоящего времени торговля на иностранную валюту и ее заменители в СССР изучалась лишь применительно к 1930-м гг. Так, Е.А. Осокина, проанализировав деятельность «Торгсина» в 1931–1936 гг., пришла к выводу о том, что эта система,

* **Иванова Анна Сергеевна**, соискатель Института российской истории РАН.